

Александрова-Осокина Ольга Николаевна

СТИХОТВОРЕНИЕ П. А. ВЯЗЕМСКОГО "ПАЛЕСТИНА" В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕДИНЫ XIX В.

В статье рассматривается специфика художественного воплощения "паломнической" тематики в стихотворении П. А. Вяземского "Палестина". Показано, что духовная лирика середины XIX в., развивая традиции древнерусской и церковной поэзии, одновременно была тесно связана с эстетическими исканиями своего времени - классицистическими, романтическими, реалистическими, что свидетельствует о непрерывности духовной традиции в русской литературе. В статье также обозначается важность изучения и переосмысления поэтического наследия П. А. Вяземского в свете религиозно-духовной эволюции писателя во второй половине его творческого и жизненного пути - в 50-70-е годы XIX в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 9-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-4; 82-43

В статье рассматривается специфика художественного воплощения «паломнической» тематики в стихотворении П. А. Вяземского «Палестина». Показано, что духовная лирика середины XIX в., развивая традиции древнерусской и церковной поэзии, одновременно была тесно связана с эстетическими исканиями своего времени – классицистическими, романтическими, реалистическими, что свидетельствует о непрерывности духовной традиции в русской литературе. В статье также обозначается важность изучения и переосмысления поэтического наследия П. А. Вяземского в свете религиозно-духовной эволюции писателя во второй половине его творческого и жизненного пути – в 50-70-е годы XIX в.

Ключевые слова и фразы: П. А. Вяземский; «паломническая лирика»; духовная ода; лирический сюжет; мотив; символично-мифологические образы; образ мира.

Александрова-Осокина Ольга Николаевна, д. филол. н., доцент
Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск
osokina-11@mail.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ П. А. ВЯЗЕМСКОГО «ПАЛЕСТИНА» В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕДИНЫ XIX В.

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-64-01000 «Паломничество в Святую Землю и русская литература: опыт сохранения национальных историко-культурных и религиозно-духовных ценностей» (2015-2017).

В 2017 г. исполнилось 225 лет со дня рождения П. А. Вяземского (1792-1878). Творческий путь поэта охватывает почти шестьдесят лет: в первой трети XIX в. – он один из самых авторитетных фигур в русской поэзии, в 1850-70-е – почти забытый писатель. В отечественном литературоведении советского периода Вяземского рассматривали как поэта «пушкинской плеяды» – романтика, вольнодумца, близкого декабристским кругам, а стихи, не вписывающиеся в эти оценки (патриотические, религиозные), не изучались, относились к «реакционным». Сейчас, когда пересматриваются многие стереотипы в оценках истории русской литературы, когда формируется аксиологический аспект изучения русской классики, литературоведение обращается и к переосмыслению творчества П. А. Вяземского. Так, например, А. В. Моторин обратил внимание на христианскую составляющую в творчестве писателя и отметил, что его духовно-творческая эволюция от вольтерьянского духа ранних стихов к христианскому православному мировосприятию в зрелой лирике типична для русской литературы первой половины – середины XIX века [11]. Изучение поэзии Вяземского в свете аксиологического подхода позволяет сделать акцент именно на религиозной составляющей творчества писателя, как пишет В. Н. Аношкина, «в сферу ценностного подхода входят проблемы высших целей бытия, религиозных верований, категории “вечного”» [2, с. 85].

Одной из важных страниц в жизни и творчестве Вяземского стала поездка в Палестину в апреле 1850 г. Впечатления от этого события нашли отражение в прозе (в путевом дневнике, опубликованном уже после смерти писателя) [5] и в стихотворениях «Иерусалим» (1850), «Палестина» (1853), «Одно сокровище» (1853), «Александр Андреевичу Иванову» (1858). Созданный в этих произведениях образ Святой Земли охватывает различные проблемно-тематические аспекты: личный опыт паломничества, духовные смыслы человеческого бытия, историю христианской культуры, Слово Священного Писания. Обращаясь к «паломнической теме», Вяземский ориентируется на традиции русской духовной и «светской» лирики. Осмысливая духовно-религиозную составляющую творчества поэта, важно не только выявить факты обращения к религиозно-духовной тематике, но и проследить, в какие художественные формы воплощалось слово писателя. Анализ этой стороны творчества не только обогатит представления о художественном мире поэта, но и внесет вклад в исследование проблем поэтики русской духовной литературы XIX в.

Стихотворение «Палестина» [4, с. 43-47] отражает переплетение стилевых тенденций русской поэзии середины XIX в. Еще Л. Я. Гинзбург отмечала, что в лирике Вяземского можно увидеть отголоски рационалистической нормативной поэтики, актуальной для первых десятилетий XIX в., элементы романтических и реалистических тенденций [7]. Форма стихотворения видится продолжением традиций русской духовной оды: требования нормативной поэтики находят отражение в четкой композиции стихотворения, эпическое и лирическое начала занимают очерченное пространство; одическая форма напоминает о себе значительным стихотворным объемом, патетикой, наличием элементов ораторской риторики. Обращение к традициям одического жанра видится в контексте духовной лирики Вяземского вполне органичным: романтизм, актуализировавший религиозное, христианское начало в искусстве, оду видел как «стихотворение, вдохновленное

религиозной мыслью» (В. Гюго) [8, с. 443]; ода обращалась к эпохальным событиям, освященным памятью народа, вековой традицией и религиозным чувством.

Вместе с тем в стихотворении «Палестина», по сравнению с классическими образцами духовной оды, больше лиризма, естественности, ярче проявляется личностное начало. Реалистические тенденции в стихотворении проявляются в том, что художественное пространство наполнено деталями действительного мира: конкретно-исторического, национального, социального, психологического. Лирико-эпический сюжет и предметно-изобразительная сфера стихотворения связаны с раскрытием двух тем: изображение Палестины как восточного мира (эта часть представлена в описательной, дескриптивной манере) и лирическое повествование о личном паломническом опыте автора (здесь доминирует медитативное и исповедальное начало, образность строится на основе символично-поэтического преобразования мира).

В стихотворении «Палестина» многие образы поэтического текста являются поэтическим переложением дневниковых записей палестинского путешествия поэта. Анализируя автобиографическое начало стихотворения, уместно вспомнить наблюдения современного литературоведа Б. В. Аверина, который обратил внимание на то, что расцвет автобиографической литературы приходится на переломные периоды в русской культуре, совершенно справедливо называя середину XIX в. именно таким периодом (в это время создаются «Детские годы Багрова внука» и «Семейная хроника» С. Т. Аксакова, трилогия Л. Н. Толстого, «Былое и думы» А. И. Герцена, «Мои литературные и нравственные скитальчества» Ап. Григорьева) [1, с. 16]. Наблюдения Аверина позволяют по-новому взглянуть на «паломническую» лирику П. А. Вяземского, увидев в ней не только факты личного творчества поэта, но и отражение духовных исканий эпохи, попытку в период нарастания нигилистических тенденций обрести прочную опору в вечных ценностях. К слову сказать, сам поэт испытал на себе «переломность» эпохи еще и в том, что был «забыт» демократической критикой второй половины XIX в., воспринимался как представитель ушедшего века. Прочитанное в этом контексте стихотворение «Палестина» видится как своеобразное отражение духовно-эстетических поисков своего времени.

В эстетике Вяземского важную роль играет внимание к частностям и деталям – это продиктовано особым пониманием того, как писатель воссоздает в своих произведениях исторический образ эпохи. Он неоднократно утверждал, что нужно обращать внимание на частные детали, из которых складывается общая картина эпохи. Именно «мелочи», по Вяземскому, привязывают человека к месту, ситуации и составляют истинный дух истории, нации, человека [6, с. 208]. Такими «мелочами» наполнены литературно-критические работы писателя, его дневники, поэзия.

Образ Палестины как восточной страны воссоздан в стихотворении колоритными приметами восточного мира: это характеристики пейзажа, портрета, этнографических и культурно-психологических реалий, в совокупности создающих наглядную изобразительно-выразительную картину. Вяземский продолжает традицию «восточной темы» русской литературы, которая находит отражение еще в фольклоре и древнерусской словесности, а затем активно развивается с последней трети XVIII в., когда в науке и литературе складывается востоковедение, исследуются природные, культурные и национально-психологические черты жизни Востока, формируется жанр «восточной повести» и романтической «восточной» поэмы [9; 12]. Образ Палестины в стихотворении Вяземского и в других современных ему произведениях создавался в контексте этой традиции, оказывался «узнаваемым».

В стихотворении «Палестина», рисуя свое путешествие по Востоку, Вяземский использует один из типичных приемов путевой литературы – сравнение «своего» и «незнакомого» мира, выявление «похожего» и «непохожего». Записи дневника путешествия и «палестинских» стихов перекликаются; внимание уделяется своеобразию природного и культурного пространства. Взгляд лирического героя в стихотворении типичен для русского восприятия: он отмечает детали, какие подметил бы любой русский паломник. Таков, например, мотив «дороги» – типичный для литературы путешествий; для русского паломника путешествие по горам или пустыням Палестины уже само по себе было удивительно, и поэт пишет: «По степи речки ясной / Не бежит полоса, / По дороге безгласной / Не слышать колеса» [4, с. 43]. Экзотичен образ «всадника»: это и паломник, и кочевник, и бедуин. Картина странствия по пустыне, воссозданная поэтом, оказывается изобразительно точной. Каждый отмечен какой-то характерной чертой, позволяющей создать наглядную картину, представить колорит путешествия по пустыне: это плавное движение хозяина каравана верблюдов, который движется, «словно зыбью качаясь» [Там же, с. 44], или же, напротив, динамичное, порывистое движение всадника на лихом скакуне, который «кружится, как птица под лихим седоком» [Там же]; или же острый ход путников по горным перевалам, где конь «ступает чутким копытом» [Там же, с. 46]. Колоритны реалии встречи в пустыне двух всадников, когда «помянув Магомета, / Всадник, встреться с тобой, / К сердцу знаком привета / Прикоснется рукой» [Там же, с. 44]. Поэт с помощью точных деталей воссоздает атмосферу вооруженного сопровождения каравана паломников: «летучий отряд», «мой дозор боевой», «вьется, как пестрый рой» вокруг каравана («впереди, сзади, рядом»), оглядывая местность «недоверчивым взглядом». В стихотворении верблюд не «идет», а именно «выступает», «длинно вытянув шею»; портретная характеристика бедуина – «знойно смуглый лицом» [Там же], называются предметы восточного костюма: бурнус, чалма. Это обилие реалистических деталей дает возможность поэту показать национально-этнографический колорит жизни, показать мир Востока как живое, самоценное бытие.

В цветовой палитре стихотворения отмечаются цвета, нетипичные для русского пейзажа с его неяркими красками. Вяземский обращает внимание на цветовой колорит, золотистость и солнечность палестинских ландшафтов. В дневнике он писал, что в Палестине особое золотое сияние солнца, такое, что воздух видится не голубым, а золотым [5, с. 269]. В стихотворении «Палестина» образ золотого свечения находит воплощение в следующих строках: «Позолотою чудной / Ярко блещущий день», «Полдень жаркий пылает, / Воздух – словно огонь» [4, с. 44].

Медитативная составляющая стихотворения связана с поэтическим видением Палестины как Священной Книги. Палестина для православных русских тесно связана с традиционным укладом всей русской жизни, с особенностями национальной культуры, впитанными с детства. Воссоздавая образ страны как колыбели христианства, Вяземский обращается к символике, цитатам из Священного Писания, дидактической риторике. Сама лексика стихотворения задает смысловой контекст: Израиль, Божья сень, Ревекка – все эти образы соотносят современность с событиями священной вечности.

Вневременное начало выявляется и в самом пейзаже Святой земли. Например, золотой цвет является не только отражением реальности, но и носит символический характер, подчеркивая Божественное начало, разлитое в природе, и напоминая о золотом сиянии православных икон. Поэт пишет о Святой земле: «Воссиял здесь рассветом / Человечества день», – сближая в одном образе «солнце», «золото», «рассвет», «слово Истины».

Символико-метафорический комплекс значений связан и с образом «воды». Образ «воды» является многозначным в мировой мифологии, связан с первоначалами жизни [10, с. 240]; образы, связанные с темой «воды» («река», «родник», «ключ» и т.д.), являются распространенными в русской поэзии. В поэтическом видении Вяземского сближаются прямое и символическое значения слова «вода»: «вода» – способная утолить жажду физическую и потребность в духовном слове. В дневнике он пишет, что именно в пустынях Палестины становится понятно, что вода – это жизненная сила, «Божий дар»; труд древних строителей водохранилищ рассматривается им как дело, приравненное к духовному спасению человечества: «Из Соломоновых прудов проведена вода в Иерусалим... Все сокровища Соломона погибли... но вода Соломона утоляет еще жажду позднейших потомков его» [5, с. 274]. А в стихотворении «Палестина» автор называет строителей древних колодцев «благодетелями» и сближает прямое и символическое значения слова «вода»: «Путник жадной душою / К холодной влаге приник» [4, с. 44].

Сближение реальных картин и образов Священной истории служит созданию особого времени и пространства, словно бы неизменно существующих еще с ветхозаветных времен. В дневнике Вяземский неоднократно отмечал, что в Святой земле его постоянно сопровождали библейские картины: реалии напоминали сюжеты Священной истории. Например, он пишет: «...у источника... нашли мы библейскую картину: несколько молодых поселюнок в синих своих сарафанах мыли белье свое. Может быть, и Пресвятая Дева тоже мыла тут... пеленки божественного младенца» [5, с. 270]. Это же сближение реальности и библейской древности в стихотворении «Палестина»: «Вот библейского века / Верный сколок: точь-в-точь / Молодая Ревекка, / Вафуилова дочь» [4, с. 45]. Художественные реконструкции Вяземского воссоздают ветхозаветные картины в традиции романтической поэтики: образ Ревекки воссоздан в системе деталей, известных в русской литературе по романтическим «кавказским» мотивам, заставляет вспомнить портреты кавказских красавиц из произведений русских писателей: «Голубой пеленою / Стан красивый сокрыт; / Взор восточной звездой / Под ресницей блестит. / Величаво-спокойно / Дева сходит к ключу; / Водонос держит стройно, / Прижимая к плечу» [Там же].

Поэт пишет, что пространство Палестины есть лишь отражение Слова Священного Писания: здесь открывается «древний мир священной эпопей», сама земля является «свитком», на котором «Божьим перстом» начертана история, и является благодатной вестью чудной поэзии. Действительность выступает лишь как отражение вечности, сама жизнь человека приобретает иную цену от соприкосновения со Святой землей, вся жизнь измеряется событием паломничества, и вблизи святынь вся жизнь становится «одно созерцанье» и молитва. Сама память о паломничестве хранит не фактологические события, но лишь «отблеск светлых видений» и «святые впечатления» [Там же, с. 47].

Религиозно-духовное начало в образе Палестины, воссозданном Вяземским, продолжает, прежде всего, традиции древнерусских хождений, отражающих опыт русского паломничества, но в той же мере религиозные идеи сформированы и традицией просветительской религиозной и нравственно-дидактической литературы, и религиозно-философскими исканиями романтиков. Так, например, в поэтических рассуждениях Вяземского об откровении, которое открывается паломнику в Святой земле, об устремлении паломника к аскетизму и молитве и желании отрешиться от всего земного можно увидеть отражение художественного опыта «восточной повести» – жанра, популярного в конце XVIII – начале XIX в. («Видение Мирзы», «Явление, виденное Феодором, пустынноиком Тенерифским» и др.), в котором ставились философские вопросы человеческого бытия: об отношении человека к вечности, о цели существования, о бренности земного. Со стихотворением Вяземского его, в частности, сближают мотив пути как жизненного поиска, желание уйти от мирской суеты, опора на нормы христианской морали как единственного свидетельства о добродетели, восприятие духовной стороны мира как откровения, видения [9, с. 300-301].

В. Гюго писал в начале XIX в., что гении эпохи – это «дозорные, оставленные Господом на башнях иерусалимских» [8, с. 443]. Эта мысль одного из величайших теоретиков и практиков европейского романтизма акцентирует идею назначения художника в мире, которая видится в упрочении духовных основ человеческой жизни. «Паломническая» лирика Вяземского создается в широком контексте русской прозы и поэзии, описывающей Святые места. Вот лишь некоторые произведения из этого ряда: «Напрасно я бегу к Сионским высотам» А. С. Пушкина, «Ветка Палестины» М. Ю. Лермонтова, «Обетованная земля» И. И. Козлова, «Тень птицы» И. А. Бунина; сюда же входят описания паломнических путешествий А. Н. Муравьева, А. С. Норова, Д. В. Дашкова, Н. В. Берга, паломническая тема в эпистолярном наследии Н. В. Гоголя; паломническая лирика издается сегодня отдельными сборниками [3]. Устойчивость обращения к теме Святой земли свидетельствует о существовании глубинной потребности в прикосновении к вечным основам человеческого бытия.

Изучение «паломнической» лирики Вяземского позволяет не только осмыслить малоизученные страницы творчества поэта, но и сделать наблюдения над особенностями художественного функционирования духовно-религиозной тематики в литературе середины XIX в.

Список источников

1. **Аверин Б. В.** Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 399 с.
2. **Аношкина В. Н.** Ценностное изучение русской литературы XIX в. // Духовный потенциал русской классической литературы: сб. науч. тр. М.: Русский мир, 2007. С. 84-93.
3. **Ветка Палестины: стихи русских поэтов об Иерусалиме и Палестине** / сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Н. Романова. М.: Фирма «Алеся», 1993. 384 с.
4. **Вяземский П. А.** Полное собрание сочинений: в 12-ти т. СПб.: Изд. графа С. Д. Шереметева, 1887. Т. XI. Стихотворения. Ч. 3. 476 с.
5. **Вяземский П. А.** Путешествие на Восток // Святые места вблизи и издали: путевые заметки русских писателей I половины XIX в. / сост. К. Ургузова; вступ. ст. В. Наумкина; комментарии Е. Н. и Л. А. Колесовых и др. М.: Восточная литература; Школа-Пресс, 1995. С. 253-286.
6. **Вяземский П. А.** Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. 464 с.
7. **Гинзбург Л. Я.** П. А. Вяземский // Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 5-50.
8. **Гюго В.** Предисловие к сборнику «Оды и баллады» // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. С. Дмитриева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 443-447.
9. **Кубачева В. Н.** «Восточная повесть» в русской литературе XVIII – начала XIX века // XVIII век: сборник статей и материалов / отв. ред. П. Н. Берков. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Сб. 5. С. 295-315.
10. **Мифы народов мира:** в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 2. 671 с.
11. **Моторин А. В.** Художественное вероисповедание князя П. А. Вяземского // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2002. Сб. 4. С. 209-249.
12. **Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в.** / вступит. ст. И. М. Смилянкой. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991. 368 с.

P. A. VYAZEMSKY'S POEM "PALESTINE" IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL AND AESTHETIC QUESTS OF LITERATURE OF THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

Aleksandrova-Osokina Olga Nikolaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Pedagogical Institute of Pacific National University, Khabarovsk
osokina-11@mail.ru

The article considers the specificity of the literary embodiment of "the pilgrimage" theme in the poem "Palestine" by P. A. Vyazemsky. It is shown that the spiritual lyrics of the middle of the XIX century, while developing the traditions of Old Russian and ecclesiastical poetry, was simultaneously closely related to the aesthetic quest of its time – classical, romantic, realistic, which indicates the continuity of the spiritual tradition in Russian literature. The paper also highlights the importance of studying and rethinking the poetic heritage of P. A. Vyazemsky in the light of the religious and spiritual evolution of the writer in the second half of his creative and life path, in the 50s and 70s of the XIX century.

Key words and phrases: P. A. Vyazemsky; "pilgrimage lyrics"; spiritual ode; lyric story; motive; symbolic and mythological images; image of the world.

УДК 821.161.1.091 Бальмонт; 821.512.157.091 Арбита

В статье прослеживается схожесть мотивов в творчестве русского поэта Константина Бальмонта (1867-1942) и якутского поэта Ивана Арбиты (1913-1943). Интересным представляется самоидентификация поэтов разных времен и народов. Константин Бальмонт старше Ивана Арбиты почти на полвека. Иван Арбита учился у русских символистов, в поле зрения молодого якутского поэта всегда были В. Брюсов, В. Хлебников и К. Бальмонт. Оба являются талантливыми переводчиками, ими переведены много образцовых произведений. Их оригинальные поэтические произведения считаются «солнечными», мотив самовлюбленности звучит почти одинаково. Их поэзия очень музыкальна, мелодична.

Ключевые слова и фразы: К. Бальмонт; И. Арбита; русская литература; якутская литература; поэт; поэзия; мотивы; самоидентификация; образ «Я»; образ Солнца.

Архипова Елена Афанасьевна, к. филол. н., доцент
Григорьева Людмила Павловна, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
Arhel72@mail.ru; grigormila@mail.ru

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ И ИВАН АРБИТА: К ПРОБЛЕМЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В настоящее время самоидентификация стала одним из ключевых понятий гуманитарных наук, таких как культурология, психология, философия. В словарях даются следующие определения термина: 1. «**Самоидентификация** – процесс соотнесения себя с собой, в результате которого формируются представления